

15. Mukomel V. I. Ksenofobiya i migrantofobii v kontekste kultury doveriya [Xenophobia and migrant in the context of a culture of trust]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2014, no. 1, pp. 137–166.
16. Murtuzaliev S. M. “Litso kavkazskoy natsionalnosti” cherez prizmu rossiyskikh SMI [“Person of Caucasian nationality” through the prism of Russian media]. *Regionalnye aspekty sotsialnoy politiki* [Regional aspects of social policy], 2011, no. 13, pp. 120–127.
17. Navitskayte E. A. “Chuzhoy-musulmanin” – obraz vraga v mediadiskurse [“Alien-Muslim” – the image of the enemy in the media discourse]. *Mirovoe kulturno-yazykovoe i politicheskoe prostranstvo: innovatsii v kommunikatsii* [World cultural and linguistic and political space: innovation in communications]. Moscow, 2015, pp. 255–260.
18. Prazauskas A. SNG kak postkolonialnoe prostranstvo [CIS as a post-colonial space]. *Nezavisimaya gazeta* [Nezavisimaya Gazeta], 1992, 7 February.
19. Romanova A. P. Yakushenkov S. N., Khlyshcheva E. V., Topchiev M. S. *Chuzhoy i kulturnaya bezopasnost* [Alien and cultural security]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013, p. 8.
20. *Romantika revolyutsii* [Romantic Revolution]. Available at: <http://sahallin.livejournal.com/42970.html>.
21. *Stikhi poetov XIX–XX vekov* [Poetry poets XIX–XX centuries]. Available at: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/bedniy487.html>.
22. Tofan A. V. Metodologicheskie podkhody k ponyatiyu “postsovetskoe prostranstvo” [Methodological approaches to the concept of “post-Soviet space”]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo slavyanskogo universiteta* [Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University], 2015, vol. 15, no. 5, pp. 44.
23. Ulmasov R. U. Tadjikistan i Rossiya: igra v migratsionnom pole [Tajikistan and Russia: the game in the migration field]. *Gorizonty ekonomiki* [Horizons economy], 2015, no. 2 (21), pp. 27–34.
24. Sherman E. M. Obraz “chuzhogo”: portret migrantov v SMI i arkhetypy kollektivnogo bessoznatelnogo [The image of the “foreign”: portrait of migrants in the media and the archetypes of the collective unconscious]. *Sovremennaya Rossiya i mir: alternativy razvitiya (Transgranichnye migranty i obshchestvo strany prebyvaniya: vzaimnoe vospriyatie i problemy mezhkulturnogo vzaimodeystviya)*. Ser. “Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy” [Modern Russia and the world: the development of alternatives. (Cross-border migrants and the host society: mutual recognition and intercultural issues). Series “Diary of the Altai School of Political Studies”]. Ed. by Yu. G. Chernyshova. 2014, no. 30, pp. 41–45.
25. Mankoff J. Russia, the Post-Soviet Space and Challenges to U.S. Policy. *The Policy World Meets Academia: Designing U.S. Policy toward Russia*. Cambridge, American Academy of Arts and Sciences Publ., 02138, 2010.

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНЕ ПУШКИНА И ШАНСОНА¹

Якушенков Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: shuilong@mail.ru

Статья посвящена анализу такого нового направления в современных социальных науках как «духовная безопасность». На основе ряда факторов мы показываем о невозможности четкого определения как объекта, так и предмета исследования. В качестве аргументов называется невозможность дать дефиницию такому понятию, как «духовное», и отсутствие согласованного определения понятия «культура», насчитывающее более тысячи различных толкований. Еще одной сложностью становления этого направления мы считаем отсутствие четкой методологической базы, позволившей объективно проанализировать обозначенную проблему. Основываясь на подходах таких видных антропологов, как Л. Уайт и М. Салинс, настаивавших на динамичном характере культуры, её постоянном развитии, мы считаем, что это свойство культуры несовместимо с какой-либо консервацией или привязкой к

¹ Статья написана при поддержке гранта РГНФ 15-33-11172а (ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии» (This article was written with the support of RHF grant 15-33-11172a (c) “Cultural security conditions heterotopias”).

традиционализму, так как ведет к стагнации культуры. Другим важным фактором, не позволяющим строить концепцию духовной безопасности в России, является особый феномен российского культурного ландшафта, определяемого через понятия амбивалентности, гетеротопии и гибридности. Все эти факторы говорят о том, что попытка поставить проблему духовной безопасности в контексте возвращения к старой традиции, будь то религиозной или культурной, непродуктивна и даже опасна, так как в культурном, социальном или политическом аспектах население России весьма разнообразно, и любое сведение традиции до уровня гомогенности приведет к серьезным противоречиям внутри общества.

Ключевые слова: культурная безопасность, духовная безопасность, дефиниция, определение понятия культуры, традиционализм, гетеротопия

CULTURAL SECURITY IN THE LAND OF PUSHKIN AND CHANSON

Yakushenkov Sergey N., D.Sc. (History), Professor
Astrakhan State University
20a Tatischeva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: shuilong@mail.ru

The article is devoted to analysis of such a new direction in modern social sciences as “spiritual security”. On the basis of a number of factors, the author shows the impossibility to define an object and a subject of the research. Among the arguments, it is called the inability to give a definition to such a concept as “spiritual” and the lack of an agreed definition of “culture”, which counts more than a thousand different interpretations. Another complication of the formation of this direction, the author considers the absence of a clear methodological framework that would allow to analyze objectively the problem and frame it. Basing on the approaches of such notable anthropologists like L. White and M. Sahlins, who insisted on the dynamic nature of culture, its constant development, the author believes that this property of culture is incompatible with any conservation or its reference to the traditionalism, as it leads to stagnation of culture. Another important factor preventing the construction of the concept of spiritual security in Russia is a special phenomenon of the Russian cultural landscape, defined through the concepts of ambivalence, heterotopia and hybridity. All these factors show that the attempt to put the problem of spiritual security in the context of a return to old traditions, whether religious, whether it be cultural, not productive and even dangerous, as Russia's population in cultural, social and political aspects is very diverse, and any note of tradition to the level of homogeneity will lead to serious contradictions within our society.

Keywords: cultural security, spiritual security definition, definition of culture, traditionalism, heterotopia

Мало кто сомневается, что проблема культурной безопасности является одной из наиболее актуальных в нашей стране. По данной теме написаны десятки тысяч работ, в которых культура и культурная безопасность анализируются с самых различных сторон.

Типичным явлением, характеризующим значительную часть этих работ, является озабоченность современным развитием нашей культуры, и особенно его духовной составляющей. Конечно, нам понятна озабоченность этих авторов происходящими культурными изменениями в стране. Резкие изменения, происходящие в России за последние десятилетия, порождают определенный страх и неуверенность у населения. Эти изменения вызваны самыми различными процессами: экономическая нестабильность, гендерные и социальные перемены, наплыв мигрантов и т.д. Все это приводит к ощущению нестабильности, растерянности, страхам и резкому неприятию перемен, что, в свою очередь, стимулирует стремление найти понятные ориентиры в традиционализме, консерватизме, архаизации нашей жизни и т.д.

Примечательно, что подобная ситуация характерна не только для простого населения или ученых, конфессионально ориентированных, видящих выход из ситуации в возврате к ценностям и ориентирам, продиктованным их конфессиональными установками.

Страх перед новым свойственен и тем субъектам, чьи нравственные или научные ориентиры ни в коей мере не связаны ни с религиозными, ни с какими-либо иными традиционалистскими установками.

В этом плане показательно расистское заявление известного российского писателя и философа Михаила Веллера, заявившего в интервью радио «Эхо Москвы», что «где латиносы и африканцы, там – криминал» [26]. И это не единственное подобное утверждение именитого писателя, который, вне всякого сомнения, мнит себя прогрессивным, гуманистически настроенным и образованным человеком. Порой со схожими консервативными установками (анти-иммигрантскими) выступает и другая российская писательница и колумнист Юлия Латынина, видящая выход из кризисной ситуации (политической, экономической, социальной и культурной) в ограничении избирательного права (введении имущественного ценза), визового режима со странами Средней Азии и т.д. Еще более резкий подход к оценке проблемы духовной безопасности мы видим в статьях, в которых заметны конкретные религиозные установки [1; 7–12; 14; 16; 19– 22].

Хотелось бы еще раз повторить, что мы понимаем озабоченность указанных авторов происходящим в стране и мире, однако параллельно при прочтении ряда статей возникают вопросы: о чем говорят эти авторы и каковы предметы их исследований?

При огромном количестве статей, посвященных проблемам культурной и особенно духовной безопасности в российском научном пространстве, так и не было дано четкой дефиниции изучаемым объектам исследования. Возможно, поэтому многие западные исследователи отказались от употребления термина «духовная культура» (англ. “spiritual culture”, фр. “la culture spirituelle”, нем. “die geistige Kultur”), заменив его на термин «нематериальная культура», а эксперты ЮНЕСКО, говоря о сохранении культурного наследия, предпочитают использовать термин «Intangible cultural heritage» [26], подразумевая под ним самые различные аспекты человеческой деятельности, не попадающие под определение материальная культура.

Оставшееся в российском культурном ландшафте старое деление культуры на материальную и духовную не дает возможности в полной мере провести дефиницию между этими искусственными разделениями. Архаичный подход, основанный на противопоставлении духа и материи, вряд ли можно признать продуктивным, тем более в основе всех материальных объектов лежит определенная идея, которая в любом случае должна быть отнесена к разряду «духовной культуры», поэтому сложно представить какой-либо объект материальной культуры, полностью свободный от культуры нематериальной. Именно поэтому западная наука и выносит аспект «духовности» за рамки научного исследования, пытаясь найти более приемлемые термины, которые можно подвергнуть дефиниции.

Как ни странно, эта ригидность российской науки в вопросе деления культуры на материальную и духовную лежит не столько в определенной дани религиозному подходу, сколько старым традициям материализма, постулирующим приоритет материи над духом, базиса над настройкой. Материализм, выкристаллизовавшийся в борьбе с идеализмом, так и не смог освободиться от старой антиномичной парадигмы, загнав себя в необходимость старого выбора – дух или материя.

Следующей проблемой, затрудняющей решение данной проблемы, является проблема отсутствия единства в определении термина культура, насчитывающего более тысячи определений, которые можно сгруппировать в несколько подходов. Первый состоит из дескриптивной попытки дать определение через перечисления, включая все новые и новые области культуры и описывая их сферы. Второй подход – это деятельный, определяющий культуру через человеческую деятельность. Еще один подход определяет культуру через нормативность. Четвертый подход видит в культуре механизм адаптации.

Имеется и аксиологический подход, видящий в культуре систему ценностей. Культура, с точки зрения некоторых адептов этого подхода, – это стремление человека к совершенству. Как мы видим, в некотором роде этот подход сближается с

нормативным. Российский культурный ландшафт очень тесно связан с этими двумя подходами, восходящими к европейской традиции XVII–XIX вв.

Вместе с тем, любая попытка свести культуру к системе ценностей не может быть принята, так как подобное определение неизбежно потребует другой дефиниции, т.е. попытки дать определение термину «ценности».

Унаследовав от немецкого романтизма отождествление культуры с таким понятием как “Bildung” («просвещение», «образование»), мы вынуждены постоянно сверять любые культурные практики с некоторой «нормой», естественно полагаясь на наши усмотрения. Прimitивное противопоставление культуры (культурности, нормативности) и дикости или варварства приводит к тому, что определенные культуры или культурные паттерны оказываются вынесенными за пределы нормы. Искусственное выделение этих периодов из цивилизации и культурности приводило к некоторым курьезам типа названия книги известного немецкого географа и антрополога XIX в. Карла Вейлэ (Karl Weule) «Культура бескультурных народов» [6; 28]. Известный географ понимал, что у народов, которых он описывал, все-таки есть своя культура, но вынужден был определять их через понятие “kulturlosen” («бескультурные»). Правда, подобный подход изжил себя, хотя и встречается очень часто в трудах некоторых отечественных авторов.

В нашей стране он получил дополнительный стимул в 30-е гг. XX в., когда значительное количество крестьянского населения переехало в города, привнося в сложившийся урбанистический культурный ландшафт свои культурные нормы. До сих пор в русской культуре существует понятие «культурный человек», которое с трудом можно перевести на другие иностранные языки, исключение составит разве лишь китайский, где понятие «культура» также имеет сугубо нормативный характер.

Еще сложнее, как мы говорили, обстоит вопрос с духовной культурой, но как только дефиниция «духовной» безопасности предстает перед нами в рамках религиозной проблемы, то это невольно приводит нас к определенному конфликту интересов – наличию фактора субъективности при определении проблемы духовности и возможных угрозах. В этой ситуации любой, выносящий суждение по духовной опасности / безопасности, будет исходить из собственной или групповой идентичности (конфессиональной, гендерной, социальной, расовой и т.д.). Как справедливо замечает П.Н. Беспаленко: «при всей кажущейся приемлемости подобных идей, особенно когда их создатели апеллируют к нравственности и духовности, такой путь ведет только к росту социальной напряженности, формированию религиозной нетерпимости и опасности ее проникновения в массовое сознание. Мифы, верования, предания могут способствовать возрождению национального самосознания, но их опасность состоит в том, что труднейшие проблемы консервируются, а не решаются. И не в последнюю очередь только потому, что за народом признаются высокие нравственные и религиозные принципы, но ему же отказывают в рациональности, планировании и прогнозировании своего будущего. Российское общество переживает период беспрецедентного в его истории социально-ценностного раскола, грозящего исчезновением элементарных форм социальной солидарности, но задача объединяющей идеологии и состоит в том, чтобы поддерживать и развивать традиции взаимответственности и толерантности, которые еще сохранились в обществе» [4, с. 142–143].

Никакая религиозная или прочая идеологическая составляющая не может являться нормативной для национальной культуры, хотя мы понимаем, что в отдельных случаях может играть существенную роль в ней. Вместе с тем, не существует ни одного общества, даже с доминантой религиозного культурного ландшафта, где бы национальная культура строилась исключительно на конфессиональной основе. Все это очень хорошо продемонстрировал М. Бахтин в своей работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». При всей значимости и повышенной роли религии в культуре средневековой Европы, она не могла охватить все культурное пространство этих стран. Напротив, религиозная культура порождала свою антитезу в виде народной смеховой и карнавальной культур: «Целый необо-

зримый мир смеховых форм и проявлений противостоял официальной и серьезной (по своему тону) культуре церковного и феодального средневековья. При всем разнообразии этих форм и проявлений площадные празднества карнавального типа, отдельные смеховые обряды и культы, шуты и дураки, великаны, карлики и уроды, скоморохи разного рода и ранга, огромная и многообразная пародийная литература и многое другое – все они, эти формы, обладают единым стилем и являются частями и частями единой и целостной народно-смеховой, карнавальной культуры» [2, с. 6].

Читая анализ М. Бахтина средневековой народной культуры, понимаешь, что любая попытка свести культуру к жесткой нормативности чревата ответной реакцией, приводящей к диалектическому отрицанию тезиса. К сожалению, идеологи СССР, стремившиеся к гомогенности советской культуры, так до конца и не поняли тезиса о диалектике развития, который сами же и провозглашали. Попытка расправиться с религиозностью населения с помощью запретов или подчинения себе в конечном итоге породила смешанные (гибридные) формы народной религиозности.

Мы неслучайно упомянули в заглавии нашей статьи Пушкина и шансон. Шансон, как и народное православие, представляющее собой синтез христианства, язычества и различных верований, были всего лишь реакцией на официальную культуру. Помимо прочего у отечественного шансона была замечательная социальная основа в лице многочисленного населения, в той или иной мере связанного с лагерной жизнью через личный опыт или опыт близких, друзей, соседей и т.д.

Следует ли считать этот шансон проявлением бездуховности? Отнюдь нет!!! Более того, он являлся продолжением определенной русской традиции, всячески поддерживаемой официальной пропагандой. Многие российские песни, звучащие со сцен концертных залов, из репродукторов или с телевизионных экранов, вне всякого сомнения, могут быть отнесены к этому самому протошансону, которые часто называют «песнями воли и неволи». Речь идет о таких известных народных песнях, как «По диким степям Забайкалья», «Славное море – священный Байкал» и др.

Песни с подобной тематикой стали неотъемлемой частью репертуара самых разных исполнителей, снискав популярность у самых широких народных масс. Как и две вышеперечисленные песни, так и многие другие не могут считаться низкокультурными. Важнее другое: все они, как особый жанр, представляют собой определенную культурную ситуацию, отражающую социально-экономический и политический контексты в нашей стране.

Деление на высокую и низкую культуры свойственно культурным периодам, когда общенациональная культура еще не сформировалась на базе общенациональных культурных элементов. В нашей же стране этот процесс только начался, поэтому остановить его значило бы навязать ему такую культуру, которая будет для него чуждой.

Сложность современного состояния российской культуры заключается в том, что в силу ряда особенностей (исторических, социальных, экономических и т.д.) она не может пока считаться гомогенной ни в социальном, ни этническом, ни в экономическом плане. Россия не является моноэтнической страной, социальная структура общества находится в состоянии трансформации.

Еще начиная с XIX в. многие российские мыслители спорят о культурной принадлежности России, определяя ее то через характеристики европейской, то восточной культур, то объединяя эти две, казалось бы, несовместимые культурные константы в единое образование «Евразия». Как заявил Бердяев: «И поистине можно сказать, что Россия непостижима для ума и не измерима никакими аршинами доктрин и учений. А верит в Россию каждый по-своему и каждый находит в полном противоречии бытию России факты для подтверждения своей веры. Подойти к разгадке тайны, сокрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость» [3, с. 3]. Но признавая это свойство России, мы вынуждены признать и то, что любая попытка маркировать какие-то культурные нормы, обречена на провал. Вся история России – это, порой, соединение несоеди-

нимого, возникновение нового, чему еще не дано определения, и то, что сложно вписать в уже существующие правила и нормы.

И известный российский философ не был первым, кто заявлял об удивительной антиномичности России. Достаточно вспомнить тютчевское «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить». Попытка в этой ситуации призывать к сохранению духовной традиции в России есть ничто другое как то, что известный американский антрополог Маршал Салинс назвал «изобретением традиции» [24, с. 3–5], правда, так он характеризовал отнюдь не российскую культуру.

Он также справедливо отмечает, что культуры постоянно находятся в развитии, так же как, по Гераклиту, невозможно два раза войти в одну и ту же реку, так и «невозможно дважды оказаться в одной и той же культуре» [24, с. 7]. Но в этой своей максиме известный антрополог всего лишь следовал за своим учителем Л. Уайтом, заявлявшим, что любое культурное событие неповторимо [28, с. 12]. Культурные паттерны выстраиваются согласно определенной системе символов, имеющей четкую структуру и внутренние связи. Это означает, что нельзя из этой системы вырвать некий набор символов и просто заменить его другим. Но, вместе с тем, эта внутренняя система, имманентно присущая культуре, постоянно соприкасается с множеством внешних факторов – другими культурами, вызовами внешней среды и т.д. В результате возникают некие культурные события, которые и являются неповторимыми по своей сути – *sui generis* [28, с. 16; 25, с. 400]. Попытка искусственно «законсервировать» процесс трансформации культуры невольно может привести к ее деформации, которая еще больше подорвет естественные законы функционирования культуры.

Именно поэтому известный российский киновед и культуролог К.Э. Разлогов говорит, что «гипертрофия культурной безопасности может обрушить престиж национальной культуры, способствовать изоляционизму от культуры мировой, разрушать основы диалога культур, подточить доверие между народами и конфессиями» [17]. С духовной безопасностью все обстоит еще сложнее.

Конечно, это не означает, что не существует проблемы культурной безопасности. Подобная проблема возникает постоянно в любой стране и на любом этапе. Особенно это актуально для малочисленных народов, чья культурная среда уже находится на грани исчезновения. Недаром сама проблема культурной безопасности (cultural security) была впервые сформулирована как проблема выживания аборигенов Австралии и маори Новой Зеландии. Но свое начало культурная безопасность берет с совершенно иной, но близкой проблемы – здоровья пациентов (коренных австралийцев или маори), лечением которых занимались белые австралийцы или новозеландцы, что также называлось культурной безопасностью (cultural safety).

Следует понимать, что оба этих направления (cultural security и cultural safety) хорошо дополняют друг друга, так как культурная безопасность индивида зависит и от его физического здоровья. Формируя проблему культурной безопасности для ряда народов, ученые видят выход из создавшихся кризисных ситуаций в целом комплексе причин, но главная из них – предоставление народам неотъемлемого права на удовлетворительные условия проживания, т.е. такие условия, которые бы учитывали весь комплекс, на основе которого формируется среда физического и культурного проживания народа. Из этого комплекса невозможно выдернуть отдельные элементы, так как они невольно приведут к нарушению системы. Никакая духовная безопасность (даже если нам и удастся дать ей надлежащее определение) не может существовать вне контекста сохранения физического здоровья определенного этноса, сохранения его среды обитания, предоставления ему равных экономических условий для выживания или сохранения его традиционной культуры. Однако и в этом случае проблема гораздо шире, чем просто сохранение традиционной культуры, традиционных ценностей. Иначе все это может привести к противоречиям, которые невольно могут возникнуть на стыке самого разнообразного круга проблем: природных, социальных, гендерных и т.д.

И в этом плане любые конкретные этнические традиции могут войти в противоречие с интересами других этносов или всего человечества в целом. Типичным примером подобной проблемы могут служить традиционные промыслы того или иного народа, в основе которых лежит потребление редких или вымирающих животных, рыб, растений и т.д. К противоречиям частного и общего можно отнести и противоречия общего (культурной традиции) и частного, например, здоровья индивидуума. Следует ли пресекать любую попытку поставить традицию выше здоровья личности, или общество вправе решать это за индивида, особенно если он еще недееспособен? Типичным примером подобных культурных практик могут служить различные телесные модификации, которые часто проводятся в детстве. В этом случае общество само решает за индивидуума, даже если в дальнейшем эта практика (например, практика телесных модификаций, скарификации, деформации) в дальнейшем не будет отвечать его интересам. Кто несет ответственность в связи с возможными травмами (физическими или психическими), которые в дальнейшем может испытывать личность в результате проведенных в детстве трансформаций? При этом следует учесть, что ряд этих телесных модификаций могут совершаться в рамках традиционных воззрений, верований и т.д. То есть в данном случае духовные практики, находящиеся в рамках традиции, религии и т.д., невольно входят в противоречие с правом индивида на здоровье и неприкосновенность его жизни.

Следует признать, что любая традиция может входить в противоречие с реалиями жизни, а попытка законсервировать якобы традиционные ценности не может быть успешной, так как культура не является статичным и неизменным явлением. В противном случае люди все еще бегали бы по лесам и полям голыми или одетыми в шкуры и охотились бы друг на друга, поскольку мамонты к настоящему времени в любом бы случае вымерли.

Как нам кажется, выход из создавшейся ситуации, которая видится некоторым в мрачных тонах, заключается не в попытках остановить движитель истории, а в необходимости активного развития общества – социального, экономического, технологического, культурном – при соблюдении равных возможностей для всех членов этого общества.

Список литературы

1. Аринин Е. И. Проблема «Духовной безопасности» в контексте понимания религиозности в религиоведении / Е. И. Аринин, Е. А. Чудаева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 1. – С. 50–53.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1965.
3. Бердяев Н. Судьба России / Н. Бердяев. – М.: Философское общество СССР, 1990.
4. Беспаленко П. Н. Конфессиональный фактор духовной безопасности в политике современной России / П. Н. Беспаленко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. – 2008. – № 10 (50). – С. 141–149.
5. Беспаленко П. Н. Духовная безопасность современной России и поиски общенациональной идеологии / П. Н. Беспаленко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. – 2009. – № 7 (62). – С. 215–224.
6. Вейлэ К. Д. Культура бескультурных народов / К. Д. Вейлэ. – М., Пг.: Государственное изд-во, 1924.
7. Возьмитель А. А. Духовная безопасность: социологический анализ / А. А. Возьмитель // Мир России. Социология. Этнология. – 2006. – № 2, т. 15. – С. 147–159.
8. Гавриленков А. Ф. Проблемы духовной безопасности в Российской империи в XVIII – начале XX вв. / А. Ф. Гавриленков // Армия и общество. – 2009. – № 3. – С. 148–153.
9. Гадаев В. Ю. Религиозная безопасность в контексте духовной безопасности / В. Ю. Гадаев // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 10. – С. 13–16.
10. Газгиреева Л. Х. Экзистенциальные основы духовной безопасности российского общества / Л. Х. Газгиреева, Л. А. Бурняшева // Власть. – 2011. – № 2. – С. 11–15.

11. Даминдарова Ф. В. Проблемы возрождения духовно-нравственной традиции в современной России / Ф. В. Даминдарова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 18. – С. 52–56.
12. Коршунов А. В. Духовная безопасность в системе обеспечения социальной безопасности российского общества: методологический конструкт социологического исследования / А. В. Коршунов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2012. – № 4. – С. 137–141.
13. Коршунов А. В. Проблемы изучения духовной безопасности российского общества в современной научной литературе / А. В. Коршунов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 2. – С. 121–126.
14. Коршунов А. В. Модернизация российского образования и проблема обеспечения духовной безопасности российского общества / А. В. Коршунов, А. А. Награльян // Власть. – 2012. – № 9. – С. 26–29.
15. Маршак А. Л. Художественная жизнь как сфера культурной безопасности современной России: социокультурный подход / А. Л. Маршак // Теория и практика общественного развития. – 2007. – № 2. – С. 114–119.
16. Молодов О. Б. Конфессиональный фактор духовной безопасности России и Беларуси / О. Б. Молодов // Армия и общество. – 2013. – № 4 (36). – С. 10–16.
17. Разлогов К. Культурная опасность / Разлогов К. // Компания. – 2008. – № 46 (539).
18. Разлогов К. Российская культурная политика в контексте глобализации / К. Разлогов, Э. Орлова, Е. Кузьмин // Отечественные записки. – 2005. – № 4 (25).
19. Стожко К. П. Экономическая безопасность в условиях современного глобализма: духовное измерение / К. П. Стожко, А. В. Михалев // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2010. – № 1 (27). – С. 5–10.
20. Хвьяля-Олингер А. Духовная безопасность и духовное здоровье человека, семья, общества / А. Хвьяля-Олингер. – М. : Дарь, 2008.
21. Чернова И. Б. О сущности духовной безопасности / И. Б. Чернова // Власть. – 2013. – № 9. – С. 130–133.
22. Чернова И. Б. Духовные аспекты системы национальной безопасности современной России / И. Б. Чернова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2014. – № 2 (139). – С. 32–41.
23. Flash opinion Михаила Веллера о Трампе: «Везде, где африканцы – будет криминал». – 13 сентября 2016. – Режим доступа // http://echo.msk.ru/blog/day_video/1837796-echo/, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 15.09.2016).
24. Sahlins M. *Waiting for Foucault, Still* / M. Sahlins. – Chicago : Prickly Pear Press, 1999.
25. Sahlins M. *Two or Three Things that I Know about Culture* / M. Sahlins // *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. – 1999. – Vol. 5, № 3. – P. 399–421.
26. *Text of the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage*. – Режим доступа: <http://www.unesco.org/culture/ich/en/convention>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
27. Weule K. *Die Kultur der kulturlosen; ein blick in die anfänge menschlicher Geistesbetätigung* / K. Weule. – Stuttgart : Kosmos, 1910.
28. White L. *The Science of Culture. A Study of Man and Civilization* / L. White. – New York : Grove Press, 1949.

References

1. Arinin E. I., Chudaeva E. A. Problema “Dukhovnoy bezopasnosti” v kontekste ponimaniya religioznosti v religiovedenii [The problem of “spiritual security” in the context of understanding religion in religious studies]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Series: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], 2013, no. 1, pp. 50–53.
2. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rabelais i narodnaya kultura srednevekovaya i Renessansa* [Creativity Francois Rabelais and popular culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1965.
3. Berdyaev N. *Sudba Rossii* [The fate of Russia]. Moscow, Philosophical Society of the USSR Publ., 1990.
4. Bepalenko P. N. Konfessionalnyy faktor dukhovnoy bezopasnosti v politike sovremennoy Rossii [Confessional Factor spiritual security policy of modern Russia]. *Nauchnye vedomosti*

Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Istoriya. Politologiya [Scientific statements Belgorod State University. Series: History. Political science], 2008, no. 10 (50), pp. 141–149.

5. Bepalenko P. N. Dukhovnaya bezopasnost sovremennoy Rossii i poiski obshchenatsionalnoy ideologii [Spiritual security of modern Russia and the search for a national ideology]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Istoriya. Politologiya* [Scientific statements Belgorod State University. Series: History. Political science], 2009, no. 7 (62), pp. 215–224.

6. Veylekh K. D. *Kultura beskulturnykh narodov* [Culture cultureless Peoples]. Moscow, Petrograd, State Publ. House, 1924.

7. Vozmitel A. A. Dukhovnaya bezopasnost: sotsiologicheskii analiz [Spiritual Security: A Sociological Analysis]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Russian World. Sociology. Ethnology], 2006, no. 2, vol. 15, pp. 147–159.

8. Gavrilentov A. F. Problemy duhovnoy bezopasnosti v Rossiyskoy imperii v XVIII – nachale XX vv. [Problems of spiritual security in the Russian Empire in the XVIII - early XX centuries]. *Armiya i obshchestvo* [Army and Society], 2009, no. 3, pp. 148–153.

9. Gadaev V. Yu. Religioznaya bezopasnost v kontekste duhovnoy bezopasnosti [Religious safety in the context of spiritual security]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2014, no. 10, pp. 13–16.

10. Gazgireeva L. Kh., Burnyasheva L. A. Ekzistentsialnye osnovy duhovnoy bezopasnosti rossiyskogo obshchestva [Existential foundations of spiritual security of the Russian society]. *Vlast* [Power], 2011, no. 2, pp. 11–15.

11. Damindarova F.V. Problemy vrozozhdeniya dukhovno-nravstvennoy traditsii v sovremennoy Rossii [Problems of revival of spiritual and moral traditions in modern Russia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2011, no. 18, pp. 52–56.

12. Korshunov A. V. Dukhovnaya bezopasnost v sisteme obespecheniya sotsialnoy bezopasnosti rossiyskogo obshchestva: metodologicheskii konstrukt sotsiologicheskogo issledovaniya [Spiritual Security in the system of social security of the Russian society: methodological construct sociological research]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya* [Bulletin of the Adygeya State University. Series 1: Area Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies], 2012, no. 4, pp. 137–141.

13. Korshunov A. V. Problemy izucheniya duhovnoy bezopasnosti rossiyskogo obshchestva v sovremennoy nauchnoy literature [Problems in the Study of the spiritual security of the Russian society in the contemporary scientific literature]. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl* [Historical, social and educational thought], 2013, no. 2, pp. 121–126.

14. Korshunov A. V., Nagralyan A. A. Modernizatsiya rossiyskogo obrazovaniya i problema obespecheniya duhovnoy bezopasnosti rossiyskogo obshchestva [Modernization of the Russian education and the problem of spiritual security of the Russian society]. *Vlast* [Power], 2012, no. 9, pp. 26–29.

15. Marshak A. L. Hudozhestvennaya zhizn kak sfera kulturnoy bezopasnosti sovremennoy Rossii: sotsiokulturnyy podkhod [Artistic life as the sphere of cultural safety of modern Russia: a sociocultural approach]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2007, no. 2, pp. 114–119.

16. Molodov O. B. Konfessionalnyy faktor duhovnoy bezopasnosti Rossii i Belarusi [The confessional factor of Russia and Belarus spiritual security]. *Armiya i obshchestvo* [Army and Society], 2013, no. 4 (36), pp. 10–16.

17. Razlogov K. Kulturnaya opasnost [Cultural danger]. *Kompaniya* [Company], 2008, no. 46 (539).

18. Razlogov K., Orlova E., Kuzmin E. Rossiyskaya kulturnaya politika v kontekste globalizatsii [The Russian cultural policy in the context of globalization]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], 2005, no. 4 (25).

19. Stozhko K. P., Mikhalev A. V. Ekonomicheskaya bezopasnost v usloviyakh sovremennogo globalizma: dukhovnoe izmerenie [Economic security in the conditions of modern globalization: the spiritual dimension]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of the Ural State Economic University], 2010, no. 1 (27), pp. 5–10.

20. Khvylya-Olinger A. *Dukhovnaya bezopasnost i duhovnoe zdorove cheloveka, semi, obshchestva* [The spiritual safety and spiritual health of the person, family, community]. Moscow, Dar Publ., 2008.

21. Chernova I. B. O sushchnosti dukhovnoy bezopasnosti [On the essence of spiritual security]. *Vlast* [Power], 2013, no. 9, pp. 130–133.
22. Chernova I. B. Dukhovnye aspekty sistemy natsionalnoy bezopasnosti sovremennoy Rossii [Spiritual aspects of the national security system of modern Russia]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya* [Bulletin of the Adygeya State University. Series 1: Area Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies], 2014, no. 2 (139), pp. 32–41.
23. Flash opinion by Mihaila Vellera o Trampe: “Vezde, gde afrikantsy – budet criminal” [Flash opinion of Michael Weller Trampe: “Wherever Africans – is a crime”]. – 2016, 13 September. – Available at: http://echo.msk.ru/blog/day_video/1837796-echo/ (Accessed: 15.09.2016).
24. Sahlins M. *Waiting for Foucault, Still*. Chicago, Prickly Pear Press, 1999.
25. Sahlins M. Two or Three Things that I Know about Culture. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, 1999, vol. 5, no. 3, pp. 399–421.
26. Text of the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. Available at: <http://www.unesco.org/culture/ich/en/convention>.
27. Weule K. *Die Kultur der kulturlosen; ein blick in die anfänge menschlicher Geistesbetätigung* [The culture of the cultureless; A look into the beginnings of human minds]. Stuttgart, Kosmos Publ., 1910.
28. White L. *The Science of Culture. A Study of Man and Civilization*. New York, Grove Press Publ., 1949.

STAR TREK: THE ORIGINAL SERIES КАК ПОСТФРОНТИРНЫЙ ТЕКСТ¹

Якушenkova Олеся Сергеевна, кандидат философских наук
Астраханский государственный университет,
Российская Федерация, 414052, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: jestershadow@mail.ru

Статья посвящена анализу американского сериала шестидесятых годов «Звездный путь» как постфронтирного произведения. «Звездный путь» – один из самых значимых научно-фантастических сериалов XX в., который во многом определил развитие жанра и за 50 лет своего существования превратился в глобальную медиафраншизу. Мы акцентируем внимание на фронтирных и постфронтирных составляющих сюжета оригинального сериала шестидесятых годов, показывая, что многие мотивы научно-фантастических фильмов и книг наследуют фронтирную символику. В статье мы рассматриваем первые годы становления медиафраншизы, обращая особое внимание на присутствие в ней достаточно большого количества маркеров, присущих вестерну. Кроме того, анализируем специфику построения образа Чужого в сериале, проводя параллели с американской историей. Для подтверждения идеи наследования фронтирных образов и мотивов мы также рассматриваем и произведение, рожденное в принципиально иных условиях и с иным культурным фоном, – «Страну багровых туч» Аркадия и Бориса Стругацких. Приходим к выводу, что несмотря на некоторое количество перекликающихся мотивов в анализируемых произведениях, акценты в них расставлены по-разному, что свидетельствует о различном культурном фоне на момент создания оных.

Ключевые слова: научная фантастика, фронт, постфронт, межкультурная коммуникация, Чужой, Звездный путь, Стругацкие, вестерн, утопия

STAR TREK: THE ORIGINAL SERIES AS POSTFRONTIER TEXT

Yakushenkova Olesya S., Ph.D. (Philosophy)
Astrakhan State University
20a Tatischeva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: jestershadow@mail.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (2014–2016) 14-03-00414 «Межкультурные коммуникации в условиях гетеротопии фронта» (This article was prepared with the support of RHF (2014-2016) 14-03-00414 “Intercultural communications in a heterotopia Frontier”).